

Категория: География и экономическая география

Тип: дипломная работа

Язык: русский

Разместил(а): incognito.

Дата размещения: 29 Dec 2010 18:52:17

Дата обновления: 29 Dec 2010 21:34:21

Сайт "coolreferat.com" <http://pda.coolreferat.com/?zip=202081>

ВВЕДЕНИЕ

Определить сведения географического характера как истоки географического знания, его предысторию имеет смысл лишь с того момента, когда географические знания достигли определённой степени зрелости, когда оно осознанно стало применяться обществом для достижения конкретных практических целей. Истоки географии начинают формироваться в античном мире с развитием торговли и мореплавания, что было невозможно без накопления специальных знаний географического характера окружающих земель и населяющих их народов. Потребность в этих знаниях удовлетворялась так называемыми логографами, составляющими составлявшими описание берегов (периплов) и стран (периогезов). Наиболее близкой к позднее сложившемуся пониманию географии была работа «Объезд вокруг Земли», написанная в результате достаточно продолжительных путешествий Гекатием Милетским. О значении этой работы в развитии географических знаний свидетельствует тот факт что введенный Гекатием термин «период» (Объезд) на долгое время закрепился за всеми географическим описаниями.

Анализ подобных описаний свидетельствует о значительной широте интересов их создателей к различным природным явлениям землетрясениям, вулканам, рекам их режиму – ко всему, что характеризует природные условия и ресурсы тех или иных стран, их население, род занятий, виды преобладающей продукции, т.е. которые ставила общественная практика Древней Греции.

Каждая наука на различных этапах развития в соответствии с требованиями, которые ставят перед ней общество, принимает разные исторически обусловленные формы. При этом изменение формы приводят и к соответствующему изменению концептуальной основы науки. В период начального своего формирования географическое знание выступало в форме страноведения, которое и было его концептуальной основой.

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что начальный период географии развивалась в страноведческом направлении, охватывая и естественные и общественные явления в некотором единстве. Во-первых, это форма отвечала общественным запросам, во-вторых, это было время господства единой, нерасчлененной натур философии и, в-третьих, что, самое главное, подобная форма отражала природу географического – знания, занимающего промежуточное положение между естественными и общественными науками.

О развитии основ физической географии не могло быть и речи до тех пор, пока древнегреческие мыслители не подошли к истинному представлению о форме Земли. Более того, гениальные умозрительные догадки отделенных мыслителей о шарообразности Земли долгое время ничего не могло дать науке, так как не было подкрепления опытными данными. Лишь потом, когда в результате первых попыток определения формы и величины Земли астрономическими методами были достигнуты более или менее значительные успехи в шарообразности Земли уже не вызывало

сомнение, физика географического направление начала приобретать устойчивую основу.

Географические названия Средней Азии издавна привлекали внимание ученых – географов, историков, лингвистов. Это объясняется внутренним богатством топонимики, открывающей внимательному исследователю возможность глубокого изучения исторических судеб Средней Азии и своеобразных природных условий, получившие отражения в географических названиях.

Исключительное разнообразие географической терминологии среднеазиатских народов отмечалось многими авторами. Ещё А. Гумбольд писал, что «татарские языки очень богаты выражениями, относящимися к рельефу и виду земной поверхности» (Гумбольд, 1915, с 304). Естественно, мы вправе предположить, что под татарскими языками А. Гумбольд, как это было принято тогда, подразумевал языки тюркских и монгольских народов.

В настоящее время в государствах Средней Азии живут народы, говорящие на многих языках основных семей. К первой относятся узбекский, туркменский, киргизский, каракалпакский, казахский и уйгурский языки, во второй - таджикский, а также языки народов проживающих в Горном Бадахшане (памирские).

Многие географические названия Средней Азии легко объясняются при помощи лексики этих основных языков, причем топонимические образования, естественно, иногда выходят за пределы современных республиканских или этнографических границ и проникают далеко вглубь иноязычных территорий. Так, таджикские топонимы можно найти на карте Узбекистана, и Туркменистана, а узбекские и киргизские названия нередко можно встретить в Таджикистане.

Древние народы края – хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы в лингвистическом отношении были иранскими народами. Характерно, что старые восточные авторы понимали под Ираном южную часть Средней Азии, а не современный Иран, известный под именем Фарса. И естественно, что древнейшие топонимические образования Средней Азии создатели которых нам известны, являются иранскими. Они сохранились в исходной или измененной форме повсеместно как на равнинах Турана, так и в горах Таджикистана, но их гораздо меньше во Внутреннем Тянь-Шане. (Муравьев. 1957, с 43).

Наибольший удельный вес иранских географических названий в топонимике Средней Азии наблюдается в Таджикистане, населенном таджикским народом-наследником и хранителем древней культуры иранских народов, живших на широких просторах от Аральского моря до Гиндукуша. Многочисленные таджикские топонимы вряд ли нуждаются в иллюстрациях. Отметим хотя бы (об)- вода, река (Сурхоб, Ягноб, Обихингоу, Анзоб, Варзоб, и многих других), «кух»- гора (Кухистан).

Важно указать другое. Многие название согдийского, хорезмийского, тохарского, памирского, таджикского и персидского происхождения, присущи другим государствам Средней Азии: Балхан, Мургаб, Чарджоу, Бадхыз, Кухистан, Каахка в Туркмении: Зерафшан, Лянгар в Узбекистане: Чарвак (чар+баг-сад, окружающий со всех сторон жилище, четыре сада в Киргизии. Прочно вошло в народную топонимику края таджикское слово « дарья» (дерья), означающее большую реку, в персидском языке- море. У киргизов Тянь-Шаня это слово имеет свою фонетическую форму « дайра».

Нельзя, конечно утверждать, что из бытующих теперь географических названий иранские- самые древние. О некоторых топонимах мы исследователи не можем судить с определенностью позволяющей установить языковую принадлежность, т.к. современные формы не открывают такой возможности, а смысловое содержание их уже давно утеряно и пока не восстановлено.

Греческое, а затем арабское господство в Средней Азии относительно слабо отразилось на ее топонимике: особенно это справедливо для греческих элементов,

почти не оставивших следа на современной карте. В литературе часто приводят указания на названия Исандер-Куль, Исандер-Дарья, к которым мы можем добавить ст. Исандер-Ашхабадской железной дороги, как на сохранившиеся топономические памятники после походов А. Македонского. Но это трудно доказать, ибо, возможно, такие названия имеют сравнительно позднее происхождение и, как свидетельствует В.В. Бартольд (Бартольд, 1927), в средние века озеро Исандер не было известно под таким именем.

Классическая география почти все значительные физико-географические объекты знала под другими, не местными названиями: Яксарт, Политимен, Окс, Оксус.

Ценные сведения о саках, тохарах, канка (канглы), их хозяйственной жизни и торговых связей с Индией содержатся в эпической поэме "Махабхарата" - "Сказании о Великих Бхарате" (составлена во второй половине II тысячелетия до н.э.): "У дверей его (царя Юдхиштхира) среди других народов ожидали саки, тохары и канки, косматые люди со усами, украшенными рогами, и с руками, заполненными данью: ткани из шерсти, из волокон рангу, из шелковых нитей, из волокон дерева патта (вид тополя) ткани курчавые тысячами, ткани их редких нитей, из хлопка, из овечьего руна, шкуры, нежные на ощупь, длинные мечи с острым лезвием, сабли, железные копья, топоры, другие острые топоры, напитки, разные ароматы, тысячи драгоценных камней..." (Древние авторы о Средней Азии, с. 133).

Большое значение для изучения социально-политической жизни саков, а также народов, населявших Парфию, Дрангиану (современный Сеистан), Арею (область, охватывающую Западный Афганистан с центром в Герате), Бактрию, Согдиану, Хорезм, и Скифию имеют клинописные надписи из Лидии (Бехистунская надпись), Персеполя, Сузы и Хамадана (Хрестоматия по истории Древнего Востока, с. 158-167). Чрезвычайно ценный материал о древнем населении Средней Азии - скифах, саках, масагетах, бактрийцах, согдийцах, хорезмийцах и др. (О происхождении быта и нравах, верованиях, общественном укладе и социально-политическом положении)-содержат труды античных авторов: Геродота (484-425 гг. до н.э.), Страбона (64-63-24-23 гг. до н.э.), Эфора (405-330 гг. до н.э.), Помпея Трога (I в. до н.э.- I в. н.э.), Плиния (погиб в 70 г. н.э.), Климента Александрийского (II в. н.э.), Эллиана (II-III вв. н.э.) и других. В рамках этого исследования невозможно остановиться на каждом из них - они вполне могли бы стать предметом специального рассмотрения.

Целью работы нашего исследования систематизация и введение в научный оборот археологических, этнографических, географических источников по проблемам сложения географических знаний о народах Средней Азии.

Задачей выпускной работы является анализ свидетельств античных авторов в сопоставлении с археологическим материалом по топонимике, топографии, географии Средней Азии.

Для осуществления целей и задач нашей работы были подвергнуты историческому анализу работы античных авторов, таких как Геродот, Квинт Курций Руф, и др.

Важным источником для развития темы является Авеста, где как раз упоминаются раннее свидетельство о первых цивилизациях народов Средней Азии, кроме того были привлечены монографические работы Б. Вайнберга, И. Пьянкова, Дитмара А.Б., Л.М. Левиной, Дьякони и др.

В качестве приложения мы приводим античные географические схемы и карты; Средней Азии и данным карты Птолемея; народы Турции в III – исламе II в до н.э.

Авестийская география как исторический источник

Авеста, священное писание зороастризма, - памятник неоднородный, это собрание сведений и преданий разных веков и даже, очевидно, разных территорий иранского мира (историю изучения Авесты и литературу см. [ОИЯ, 1979, с. 135-136]).

Исследователи выделяют в Авесте ряд текстов, персонажей и словосочетаний, относящихся (или, точнее, восходящих) еще к индоиранской общности. Следующий этап связан с возникновением зороастризма, новой религии, появившейся не позднее VII — первой половины VI в. до н.э. Отрицая сначала все старые арийские культы, зороастризм постепенно перешел на путь компромисса с укоренившимися в иранской среде народными верованиями. Считается, что в течение многих веков складывался канон зороастрийского «священного писания», который сохранялся только в устной традиции (заучивался жрецами), при этом преобладала тенденция сохранения текста в изначальном виде.

По господствующему в науке мнению, древнейшие части Авесты связаны со Средней Азией; зороастризм появился в Восточном Иране (традиция относит это к Бактрии), позднее его центром стала Мидия. Поэтому специалисты считают, что «вопрос о локализации и датировке Авесты в целом вряд ли может ставиться» (С.Н. Соколов (ОИЯ 1979, с. 1310)).

Место и время кодификации. Авесты тоже до сих пор не определены окончательно. Есть гипотеза Ф. Альтхайма о ранней записи ее текста учениками Заратуштры в VIII в. до н.э. арамейским ахеменидским письмом и о том, что Александр Македонский пытался записать ее по гречески. С начала XX в. исследователи авестийского алфавита и языка выдвигали ряд теорий об их происхождении и этапах развития [ОИЯ, 1979, с. 130-132]. Существует гипотеза об «аршакидском» тексте Авесты. Бесспорной считается кодификация Авесты, произведенная при Сасанидах (IV или середина VI в.).

Авеста сохранилась не в полном объеме, что также затрудняет ее изучение [ОИЯ, 1979, с. 133-134]. Многократно привлекавшиеся историками данные Авесты часто не могут служить основанием для достоверных выводов (см. аналогичный вывод И.М. Дьяконова в связи со списком стран в «Видевдате» Дьяконов, 1971, с. 152, примеч. 60), за исключением, может быть, реконструкции социальной структуры общества эпохи сложения Авесты, [История таджикского народа, 1963].

Мы попытаемся, в меру своих возможностей, рассмотреть географические и частично этногеографические данные Авесты, так как, по господствующему в науке мнению, они связаны с исследуемой территорией - Среднеазиатским, мы испытывали большие сложности в связи с рассмотрением проблем, которые мы можем воспринимать только «из вторых рук» и не всегда способны четко отделить вероятные гипотезы в лингвистических аспектах от действительных фактов (Лелеков, 1982, с. 148).

В научной литературе неоднократно анализировались в том или ином аспекте два списка стран, сохранившихся в Авесте - в «Видевдате» (1-йфрагард) и «Михр-яште» (ЯштX, 13-14). «Видевдат»- это свод ритуальных установлений, скомпилированных в довольно позднее время, но включивший в себя и древние части. В фрагарде 1 «Видевдата» перечисляются «правоверные» зороастрийские страны (области): Арианам-Вайджа, Гава Сугда, Моуру, Бахди(ш), Нисайа между Моуру и Бахди, Харойва, Вайкарта, Урва Вехркана, Харахвати, Хайтумант, Рага, Чахра, Варена, Хапта-Хинду, Рангха. Этот список стран многократно анализировался Дьяконов М., 1961, с. 361 и ел.; (Дьяконов И., 1956, с. 48, 54). Часть из них довольно определенно локализуется.

Предполагается, что этот текст составлен во II в. до н.э., после победы парфянского царя Митридата I над Греко-Бактрийским царством, и перечисляет

области, входящие в состав тогдашней Парфии. И. М. Дьяконов справедливо отметил, что многие из перечисленных областей никогда не принадлежали - Парфии [Дьяконов И., 1971, с. 137]. А. Кристенсен считает, что в поздний период в этот текст были интерполированы названия ряда стран, которые не отмечены в «Михр-яште», в том числе Бактрия. И. Гершевич относил «Видевдат» к ахеменидскому либо послeahеменидскому времени. По мнению И. М. Дьяконова, «Михр-яшт» содержит «перечень стран, где к моменту составления текста Видевдата был распространен зороастризм» [Дьяконов И., 1971, с. 137]. Подобное заключение тоже вряд ли может быть принято без оговорок, так как нет никаких данных о распространении зороастризма в «мифической» области Арианам - Вайджа. Этому противоречат материалы из Хорезма, который ряд исследователей, без веских оснований, отождествляет с этой областью. В послeahеменидский период (IV-II вв. до н.э.), как показывает исследование археологических памятников и мифологических сюжетов на керамических рельефах в Хорезме были распространены верования, отличные от канонического зороастризма (см. главы 1 и 3 части III). На основании имеющихся материалов по истории и культуре Согда нельзя и эту область относить к «правоверным» зороастрийским.

Перечисление стран начинается с Арианам-Вайджа и Согда областей, явно расположенных севернее остальных. Арианам-Вайджа - «Арийский простор» - в этом контексте часто отождествляется с Хорезмом, хотя это не самая северная и холодная область в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Гораздо больше соответствуют описанию Авесты климатические условия Восточного и Северо-Восточного Приаралья.

Интересно отметить здесь и традиционные пути торговцев посольств и т.п. Даже в XIX в. все пути русских миссий и торговцев от Южного Приуралья (Оренбург, Троицк, Орск) в Вухару (северо-западная часть древнего Согда) проходили не через Хиву, даже в периоды мирных отношений с последней, а через низовья Сырдарьи по караванной дороге через Кызылкумы; поэтому не исключено что название «Арианам-Вайджа» может быть отнесено, например, к дельтовой области Сырдарьи с не меньшим основанием, чем к Хорезму тем более что археологические исследования в этом районе [Толстов 1962] выявили непрерывное развитие культурных комплексов с конца эпохи бронзы и большое количество интересных монументальных памятников.

Л.А. Лелеков отмечал, что «идея „Арийского Простора“, легендарной прародины „арья“ абсолютно неведома древнеиндийской традиции» (Лелеков 1982 с155). Он считает, что название области Арианам-Вайджа могло появиться в индоиранском мифе лишь на поздних стадиях его «ортодоксальной обработки». Э. Херцфельд считал что это понятие было поздним измышлением аршакидского времени.

В Яштах (Авеста, 1993 — перевод Истеблин-Каменского) «Арийский простор» присутствует, наряду с ним здесь появляется Вахви-Датия («Добрая, благая Датия») — река, на которой или вблизи которой расположена область Арианам-Вайджа (Яшт V, 17) У реки Вахви-Датия молятся как бог Ахура-Мазда (Яшт V, 17), так и реальные персонажи: сам пророк Заратуштра (Яшт V, 104; Яшт XVII, 450) и его покровитель Кави Виштаспа (Яшт XVII, 49).

Река «Датия благая» и другая мифическая или реальная река— «воды Ардви».—упомянуты рядом в «Гимне Ахура-Мазде» (Яшт I, 21). Смешение реальных и мифических объектов довольно часто встречается в текстах Авесты, связанных с географической номенклатурой. Представляется, что при переселении (расселении) иранских племен на территории Среднеазиатского – казахстанского - региона; они перенесли на многие реальные ; географические объекты, особенно игравшие большую роль в их жизни, мифологические понятия и названия, которые сложились у них еще либо в период индоиранской общности, либо на ранних этапах собственного

этногенеза. Позднее, в эпоху распространения зороастризма, так произошло на западе Ирана—в Мидии. Именно этим можно объяснить двойственность ряда «географических понятий» в Авесте.

Арианам-Вайджа, с одной стороны, это мифическая прародина древних ариев. А с другой — в представлениях эпохи Ахеменидов и тем более позже это было, очевидно, достаточно широкое, но определенное понятие, относившееся к северным районам среди них, области степей, полупустынь и пустынь, где, особенно на севере, свирепствуют зимой холода, а климат—резко континентальный. Возможно, что пределы Арианам-Вайджа в таком понимании доходили до границ Согда (даже в средневековых источниках пустыня между Бухарой и средней Сырдарьей называется Бухарская или Самаркандская степь, а у Арриана это скифская пустыня—IV,5,4). Это согласуется и с данными «Малой Авесты» о родине Заратуштры — в Арианам-Вайджа за рекой Датия на реке Дареджа, особенно если учесть, что его учение приняла и какая-то часть туров (Тур, сын Фрияны), живших на острове в стремнине реки Ранхи (Яшт V, 81), которую есть все основания отождествлять с Сырдарьей. Реальная река Датия, обычно отождествляемая с Амударьей, в какой-то части своего течения являлась южной границей области Арианам-Вайджа в узком смысле этого понятия. Если исходить из экологии, это соответствует пространству между Маргианой и Согдом на западных границах последнего, где пустынные районы простираются до северных границ древней Бактрии.

Расположенные южнее области, упомянутые в фрагменте 1 «Видев-дата», выходят далеко за рамки рассматриваемой нами территории. Любое их отождествление не может быть использовано при изучении Турана и прилегающих к нему территорий, поэтому мы не рассматриваем здесь данные о них.

Сведения о второй великой реке Средней Азии — Сырдарье ученые выделяют, из обрамляющих их мифологических представлений о «водах Ардвиги», «Ардвиги полноводной» и т.д. Ученые - уже отмечали, что воды Ардвиги упоминаются вместе с рекой Датией, это отражает скорее всего реальное, а не мифическое представление иранцев, так как мифическая Ардвиги величиной равна «всем водам, взятым вместе, текущим по земле» (Яшт V, 3), явно не оставляет места в изначальном мифе для еще одной большой реки Вахви-Датии.

К области мифа можно отнести и сведения о том, что «одна протока Ардвиги течет на семь каршваров» (Яшт V, 5), т.е. на весь иранский мир. Реальной реки, отвечающей этим требованиям, конечно, нет, хотя представление о Сырдарье как о «Длинной» сохранилось в ее наименовании у ал-Харизми [Калинина, 1988]. Но вместе с тем ряд других характеристик из очень красочного «гимна Ардвисуре». возможно, отражает реальные географические представления: «Ардвиги полноводная» течет «от высоты Хукарья до моря Ворукаша». Здесь исследователи сталкиваются еще с двумя мифическими понятиями: «гора Хукарья» (в мифе означает высочайшую вершину гор Хара, Харати) и «море Ворукаша» («Широко изрезанное», «Имеющее широкие заливы» — Словарь И.М.Стеблин-Каменского к переводам [Авеста, 1993, с. 200]), которое в иранской мифологии соответствует мировому Океану. Море Ворукаша принято отождествлять с Аральским или Каспийским морем. Но стоит обратить внимание и на такие данные Авесты:

Из моря Ворукаша вытекают воды (Яшт VII, 47), что не соответствует географическим реалиям, если иметь в виду Аральское или Каспийское море либо мифический мировой Океан. Но подобная характеристика может относиться к древнему озеру вблизи Арала в месте слияния рек Сырдарьи, Сарысу и Чу.

2. Ардвиги впадает в море Ворукаша «тысячью протоков и тысячью озер» (Яшт V, 3). Это, несомненно, мифический образ, но он, может быть, сопоставим с реальной ситуацией вблизи отмеченного озера, куда кроме рек Сырдарьи, Сырысу, Чу впадали многочисленные мелкие речки, ручьи и весенние потоки по саям с гор Улутау и

северных отрогов Каратау. К северу от этого водоема на небольшом расстоянии за песками Каракум (Приаральских) в современное озеро Шалкар – Тенгиз впадают реки Иргиз и Турай и ряд мелких речек с гор Улуту. Этот район к северу-востоку от современной дельты Сырдарьи изобилует и небольшими озерами и родниками.

С морем Ворукаша связаны многие мифические персонажи— г Тюпатшах, рыба Кара, осел Хара, дерево Сэна, Хом и Тиштрия, который «восходит из моря Ворукаша» (Яшт VIII, 32), он же обходит все заливы моря и является хранителем «семени вод» (Яшт VII, 46). На этом водоеме есть довольно реальный объект - гора Усхинда, стоящая посреди моря (Яшт VII, 32). Она может найти соответствия при предлагаемой учеными локализации моря Ворукаша на месте Дарья-лык-такыра между Сырдарьей и «слепыми» в настоящее время дельтами рек Сарысу и Чу. Так, несколько юго-восточнее современной дельты реки Чу, состоящей из системы озер, выделяется по размерам озеро Соумас (?)-куль, у восточного края его есть возвышенность Иккай. Еще более реален другой объект — гора Сусык-кара, находящаяся у параллели 44°45', к северо-западу от северной оконечности Каратау и юго-юго-западу от современной «дельты» реки Сарысу. Южнее этой горы, у северных склонов Каратау (ср. горы у оера Ворукаша) есть родники.

Вблизи моря Ворукаша жили, очевидно, реальные, враги Кави Виштаспы, предводителем которых являлся Арэджатаспа, брат его Вандарманиш обращался к Ардвисуре «у моря Ворукаша» с молитвой даровать ему победу над Заривари и «воинами арийскими» (Яшт V, 116-117). У Арэджатаспы был еще один брат — Хумаяка (Яшт V, 113). Это, скорее всего, является еще одним свидетельством реальности существования этих персонажей и «моря Ворукаша».

Ардви, текущая с гор Хукарья до моря Ворукаша, довольно определенно в реальной географии соответствует Сырдарье, берущей начало с высочайших гор региона и впадавшей, очевидно, во время составления «Гимна Ардвисуре» в большое озеро на месте современного Дарьялык-такыра.

О реальности существовавшего представления о море Ворукаша к северу от Индии за горами может свидетельствовать и текст поэмы III-IV вв. н.э. на парфянском языке «Драхт асурик» («Ассирийское дерево», 44), где есть, хотя и частично поврежденный, текст: «...с горы на гору идут к большой стране земли, от берегов Инда к озеру Вар-каш, к людям различных племен...» [Брагинский, 1956, с. 225].

Вместе с тем к явно мифическим относится текст «Бундахишна» (гл. 13) о том, что «озеро Ворукаша к югу от Альборза занимает треть земли», как и то, что это море является средоточием вод [Брагинский, 1956, с. 102, примеч.5]. Альборз—горный кряж, окружающий землю по представлениям иранцев («Бундахишн», гл.5, 3-4, см. (Брагинский, 1956, с 102).

В отличии от понятия «воды Ардри», более определенные данные о реке Ранхе в Авесте; возможно, что эти сведения внесены в текст позднее, чем первые. Ранха характеризуется как глубокая и широкая река (Яшт V, 63). Знакомство с реальным объектом обнаруживаем в «Гимне Ардвисуре» (Яшт V, 81), где отмечается остров «в стремнине реки широкой Ранхи», на которой тур Йойшта, сын Фрияны, приносил жертву богине. Упоминается и какая-то рыба, живущая «в водах Ранхи» (Яшт XIV, 29), что тоже не могло быть абстрактным или мифологическим представлением.

Нужно отметить, что в тексте «Гимна Ардвисуре» (Яшт V, 73) упоминаются «туранцы-дану», что, несомненно, отражает представление о туранцах, живущих у реки (danu — авестийская река, см. [ОИЯ, 1979, с. 285]), что согласуется с приведенными выше сведениями 81-й строфы (о туранцах—восточноиранских кочевых племенах; Иностранцев, 1911, с. 303-304 со ссылкой на Григорьева; Абаев, 1956]).

И. Стеблин-Каменский отмечает, что «Ранха (Рангха, Раха) родственно древнеиндийскому „раса"—„сок, влага, жидкость", русскому слову «роса» [Авеста, 1993, с. 202]. В тексте «Гимна Ардвис» (Яшт V, 120) говорится:

И четырех ей создал
Ахура жеребцов,
Те кони — Дождь, и Ветер,
И Облако, и Град.
Они ей постоянно
Льют влагу, о Спитама,
Поят ее росой (курсив наш. — Б.В.)
Числом неисчислимым
Ей сыплют снег и град.

Авестийская Ранха сопоставляется и часто отождествляется со скифским названием Волги — Ра (см. [Членова, 1989, с. 225 и ел.], где приведена литература вопроса). Вместе с тем это, скорее всего однозначные названия рек.

В Южном Приуралье в средние века бытовал еще один сходный гидроним. С.Г. Агаджанов обратил внимание, что в тексте «Худуд ал-алам» описывается река под названием Рас, отождествляемая В.Минорским с притоком р. Урал — Илеком (см. [Агаджанов, 1969, с. 79], там же ссылки на литературу).

Вряд ли могут быть признаны убедительными и соображения о соотношении только Волги с реальными бобрами и «бобровой» тематикой в «Гимне Ардвисуре» (см. детальный анализ ее в работе Н.Л. Членовой), как и сходных представлений в верованиях финно-угорских народов, приведены там же [Членова, 1989,]. Бобры еще в недавнее время, как это показал С.Г. Агаджанов, анализируя средневековые тексты об огузах, обитатели в долине р. Ирғиз и, возможно, в Мугоджарах [Агаджанов, 1969, с. 55 и ел.].

Интересно, что, по данным Идриси, высоко ценились и меха обитавших здесь же золотистых лисиц, - одежды из которых могли носить только «цари той страны», а вывоз их в другие страны был запрещен [Агаджанов, 1969, с. 55]. Можно вспомнить упоминаемого в «Гимне Хварно» в Авесте (Яшт XIX, 28) «отважного Урупи, что носит лисий мех», который правил во всех семи каршварах и «одолел в сраженьях всех дэвов и людей». По комментарию И. Стеблин-Каменского, это имя (полностью Тахма-Урупи-азинавант, в «Шах-наме» — Тахмурас) означает дословно «отважный, в лисий мех одетый» [Авеста, 1993, с. 203]. Если же учесть значительную обводненность дельтовой области в Восточном Приаралье и обширные тугаи здесь (они существовали даже в современной дельте Сырдарьи, где до 40-х годов XX в. водились тигры—см. [Казахстан, 1970, с. 69]), то есть все основания допустить, что бобровые колонии в древности доходили до Восточного Приаралья и дельты реки Ранхи — Сырдарьи. А соседство с финно-угорскими народами в этом регионе было не меньшим, чем в Поволжье. Стоит учесть, что реликтовые черты культа бобра, которые отражены в Авесте и на которые особо обращают внимание исследователи, отмечены в верованиях прежде всего зауральских финно-угорских народов—хантов и манси [Членова, 1989, с. 235], соседствовавших с племенами Восточного Приаралья (их прежде всего связывала хозяйственная зона летних пастбищ кочевников в междуречье Тобола и Ишима). Отмеченное исследователями соединение в пермском «зверином стиле» черт медведя и бобра [Членова, 1989, с. 236], может быть, и послужило на базе сходных верований причиной распространения культовых фигур медведя в джетысарской керамике I тыс. н.э., отмечаемое Л.М.Левиной в связи с появлением в Восточном Приаралье угорских племен [Левина, Чнжова, 1995; Левина, 1996]. До этого зооморфные изображения в этой культуре отсутствовали.

Среди возражений Н. Л. Членовой сторонникам отождествления авестийской Ранхи с Сырдарьей-Яксартом присутствует и довод о том, что на Сырдарье не бывает сильных морозов [Членова, 1989, с. 228]. Это далеко не так. Любая климатическая карта покажет, что в Нижнем Поволжье и Восточном Приаралье температурный режим сходен, а число дней в году с температурой ниже -10° просто совпадает на территории от района г. Кзыл-Орды до Среднего Поволжья и далее на северо-запад вплоть до района Москвы и Санкт-Петербурга. А Северное Приаралье относится к еще более суровой климатической зоне, где число морозных дней ниже -10°C достигает 120 дней в году, что сопоставимо лишь с территорией вблизи Оренбурга, Самары и далее на север, вплоть до Архангельска. Одинакова и продолжительность снежного покрова в днях: от 60 до 100 в Восточном Приаралье и Нижнем Поволжье.

Все изложенное выше дает оснований считать, что вывод Х. Ньюбергао том, что культ Ардвисуры связан с Ранхой – Сырдарьей и развился вне «общины Митры» у кочевых иранских племен (туранцев), обитавших в этом районе, вполне справедлив.

Еще один «географический» сюжет в Авесте представляет интерес для нашего исследования, он связан с «Канхой», страной на востоке иранского мира, по географическому кругозору Авесты. В «Гимне Хварно» при перечислении гор упомянуты «и горы те, что в Канхе» (Яшт XIX, 4). Это согласуется с текстом «Ардвисур-Яшта», где дважды упоминается «проход Хшатросука» в «Канхе пресвятой» (Яшт V, 54 и 57). Из текста следует, что здесь обитали туранцы. В сочетании с упоминавшимися выше данными о туранцах-дану, живших у реки Ранхи, это дает основание для заключения, что территория расселения туранцев (туров) Авесты простиралась от Сырдарьи на восток, где горные массивы расположены в правобережье этой реки. Учитывая иранскую эпическую традицию, отраженную в «Шах-наме», горы Канхи могут быть отождествлены, прежде всего, с горной цепью Каратау (о географин «Шах-наме» см. [Птицын, 1947]), протянувшейся на северо-запад от Тянь-Шаня к востоку от среднего течения Сырдарьи и отделяющей ее долину от рек Таласа и Чу. К югу от Каратау протекает в широтном направлении приток Сырдарьин река Арысь. Вершины гор Каратау поднимаются до высоты более 2 000 м.

Не совсем ясен эпитет Канхи «пресвятая», так как к «праведным» зороастрийским областям Канха и земля туранцев в целом не относились. Может быть, здесь сохранился какой-то отголосок представлений о Канхе как религиозном центре туранцев, связанном именно с культом Ардвисуры.

В «Гимне Митре» (Яшт X), относящемся, по мнению ряда исследователей, в основном ко времени до проповеди Заратуштры [Брагинский, 1956, с. 193 и ел.; Дьяконов И., 1971, с. 136], наряду с общим понятием «арийских стран»—Арьюшайана—есть еще и перечень стран (хотя, возможно, он и не охватывает их всех) (Яшт X, 14):

...Широкие потоки
Стремят свое течение
И к Ишкате Пару те ко и,
И к Мерву (Моуру), что в Харайве,
И к Гаве в Согдиане (Согде),
Или текут в Хорезм.

Подробный анализ этого текста был проведен И. Гершевиче. И.

В последнее время стала популярна точка зрения о том, что авестинская традиция по преимуществу является драгианской (Дьяконов И., 1971, с. 136 и ел.) и что в этом списке описываются страны в том порядке, как они виделись из Дрангианы. Вместе с тем ряд исследователей считают что Согд и Хорезм, который единственно представляет особый интерес в этом перечне в связи с рассматриваемой территорией,

интерполированы в этот текст позднее [Christensen, 1943, с. 66 и ел.]. В связи с историей Хорезма и хорасмиев, как она теперь вырисовывается в свете археологических материалов, мы уже отмечали ([Вайнберг, 1992] и соответствующий раздел ниже), что Хорезм как имя области в низовьях Амударьи вряд ли мог появиться ранее эпохи Ахеменидов и что, возможно, еще и в эту эпоху район южных склонов Туркмено-Хорасанских гор рассматривался в связи с Хорезмом как территория расселения хорасмиев.

Сопоставляя списки стран «Видевдата» и «Михр-яшта» И.М. Дьяконов уже высказал, как и многие другие исследователи, возражения по поводу отождествления Арианам-Вайджа и Хорезма [Дьяконов И., 1971, с. 137]. К этому можно только еще раз добавить, что наиболее суровые климатические условия в Среднеазиатско-Казахстанском регионе существуют в Восточном и Северном Приаралье и они сопоставимы, как мы уже отметили выше, с климатом более северных (северо-западных) районов Восточной Европы. Поэтому только на основании данных Авесты об Арианам-Вайджа как о стране с необыкновенно длинной и суровой зимой нельзя ее отождествлять с Хорезмом. Вместе с тем вряд ли можно согласиться и с мнением И.М.Дьяконова о том, что «в наиболее широком смысле термин „Арьянам Вайджа" соответствует „Ариане" греческих авторов времени эллинизма» [Дьяконов И., 1971, с. 137]. При таком подходе полностью игнорируются северные области Средней Азии, заселенные скотоводческими племенами, с территорией которых, как мы видели выше, связана так или иначе и часть авестийских текстов.

При всей туманности авестийских географических реалий можно все же сделать ряд достаточно определенных выводов: понятие «Арианам-Вайджа» не встречается в «Гимне Митре», здесь есть Арьюшайана (aīruo saiana) — «страна ариев». Представление об Арианам-Вайджа в «Видевдате» не простирается далее границ Согда. Другие тексты «Яштов» не дают оснований распространять территорию Арианам-Вайджа за (южнее) реку Датию. При отождествлении последней с Амударьей можно сделать заключение о том, что эта река и была границей области Арианам-Вайджа с Арьюшайаной («страной ариев») «Гимна Митре» и, вероятно, «общин Ардвисуры и Митры». В таком случае явно напрашивается сопоставление с иранской эпической традицией, представленной в «Шах-наме», где Амударья выступает практически изначально с момента раздела территории иранцев между сыновьями Феридуна как граница Турана (владения Тура) и Ирана (владение Иреджа и его наследников) (Фирдоуси, Шахнаме, 1, с. 316, особенно строфы 9950-9960). При таком сопоставлении объяснимы и все тексты с упоминанием Арианам-Вайджа в Авесте. Согда, как и в «Шахнаме», остается в стороне от Турана, хотя иногда и подчиняется ему. Хорезм же, как и в эпосе, находится на периферии этой территории, нет практически никаких оснований включать его в территорию Турана ни по данным Авесты, ни по традиционным эпическим сказаниям и легендам. Если следовать легендарным сведениям, приведенным ал-Беруни, то Хорезм изначально входил во владения иранских «царей», от эпохи Сиявуша и Кай-Хусрава (Кейхосрова).

Перечень стран «Гимна Митре» очень напоминает представления средневековья, так как он охватывает те области, которые объединились понятием «Хорасан» [Бартольд, 1971, с. 37 и ел., 260 и ел.]. Хорезм, находившийся и в Хорасане и в Мавераннахре, чаще всего относили к Хорасану.

Таким образом, Арианам-Вайджа в конкретном представлении авторов священных текстов преахеменидской поры и позднее должна была ассоциироваться с территорией скотоводческих племен северо-востока Средней Азии. Туры не занимали всей этой территории (см. ниже), но в какое-то время явно господствовали среди племен этого региона, поэтому понятия Арианам-Вайджа и Туран могли совпадать территориально, но не обязательно по содержанию.

Можно предположить, что в какой-то период на этой территории могли «господствовать» и иные племена кочевников. В ахеменидскую эпоху какое-то объединение племен здесь с центром в древней дельте Сырдарьи возглавляли дахи («саки, которые за Согдом» — см. [Вайнберг, Левина, 1993]), выделенные в особую сатрапию Ахеменидской державы. Позднее, после ухода дахов на юг, на территории северо-востока Среднеазиатско-Казахстанского региона становится известным «владение Кангюй», которое, очевидно, было своего рода наследником древней Канхи туранцев. Какие-то легендарные представления о туранской «династии» Афрасиаба сохранялись в районе средней Сырдарьи, несмотря на «смены» этносов, вплоть до средневековья, что нашло отражение в эпоху Сельджукидов и Караханидов, когда династии этих правителей искусственно возводились к Афрасиабу [Вайнберг, 1973; Вайнберг, 1977]. Вероятно, наиболее древним (или крупным) на территории Арианам-Вайджа было объединение кочевников во главе с турами, что и получило отражение в эпосе и исторической традиции и привело к замене понятия «Арианам-Вайджа» названием «Туран» (см. [Бартольд, 1971, с. 231]).

В науке господствует точка зрения о тождестве туров и саков античной традиции [Абаев, 1956; Литвинский, 1972, с. 156 и ел.]. Вряд ли можно с ней согласиться. «Сака» древнеперсидских надписей и саки античных авторов понятия гораздо более широки чем «Тура», так как включает и многие другие племена раннего железного века, например, уже упоминающихся дахов, к которым древнеперсидские надписи прилагают понятие «сака» (см. соответствующий раздел о дахах в гл. 4 части IV). Кроме того, в «Фарвардин-яште» Авесты – туры и даха упоминаются рядом (Яшт" XIII 143). Скорее всего, собственно саки, соседи Бактрии, по имени которых сначала персы, а затем и греки стали называть кочевников Средней Азии, остались вне поля зрения Авесты, они обитали, вероятно, к востоку от Бактрии в районе верховьев Амударьи и далее на северо-восток до Алая [Литвинский, 1972]. Не знает Авеста и массагетов Восточного Прикаспия, так как они тоже, очевидно, были вне пределов «общины Анахиты». Верования массагетов, как они описаны античными авторами, позволяют довольно уверенно относить их к «общине Митры», а в тексте «Гимна Митре» кочевники явно отсутствуют.

Кочевые племена Средней Азии упомянуты в «Фарвардин-яште» (Яшт XIII, 143 и 144), посвященном поминанию душ, умерших праведников. Считается, что этот Яшт близок к Гамам не только по духу, но и по хронологии [Дьяконов И. 1956, с. 46, примеч. 2], последняя определяется в пределах доахеменидского или начала ахеменидского периода (Брагинский. 1956, с 193)

В отмеченных строфах есть перечень стран или народов, включающий «арья» (airuana-), turs, dāha, sairima- и caina.

Исследованию термина «арья» в связи с этим текстом, посвящена специально работа Л.А. Лелеова (Лелеков, 1982, с. 148 и сл). Мы будем касаться практически существа рассматриваемой там проблемы - о социальном, а не этническом содержании этого понятия. К сожалению, ни Ламленто, ни его предшественники, обращавшиеся к этому тексту, не объяснили, почему вместе перечисляются с голь разные «объекты» или понятия: «арья», что обозначает, по их мнению, все оседлые народы (области) иранского мира, и в отличии от них отдельные кочевые племена. Представляется, что подобное противоречие либо должно быть обменено, либо под «арья» автор авестийского текста имел здесь в виду не ариев вообще или Иран [Лелеков, 1982, с. 150], а тоже одно из кочевых племен, известных позднее по Птолемею (VI, 14). В низовьях Сырдарьи под именем ариаков (Ariakai — агуа-ка «арийцы», см. [ОИЯ, 1979, с. 11]). Если принять этот довод, то текст из «Фарвардин-яшта» получается очень логичным и достаточно ясным; он содержит просто перечень областей или племен на северо-востоке Среднеазиатско-Казахстанского региона, в

которых надлежит почитать «фраваша» (души умерших) праведников. Названные народы расселялись по соседству:

1. Арии (ариаки) в дельте Сырдарьи, согласно Птолемию, были известны еще в начале I тыс., н.э. Скорее всего, это область джетыясарской культуры, очень архаичной по своему облику, она условно существовала на территории древней дельты между руслами Кувандарьи и современным руслом Сырдарьи во второй половине I тыс. до н.э.—I тыс. н.э., а может быть, и ранее.

2. Дахи тоже жили в древней дельте Сырдарьи к западу от ариаков [Вайнберг, Левина, 1993] Связанные с ними археологические памятники дают основание определять и время расселения дахов на этой территории в пределах VII - начала II в. до н.э. Переселение части их на юг к границам Парфии началось в III в. до н.э. в связи с усыханием русел, на которых они жили, и завершилось ко II в. до н.э., после прекращения обводнения этой части дельтовых протоков. К области оседлых поселений ариаков и лахов примыкала обширная территория их сезонных кочевий, располагавшаяся традиционно, как и в последующие эпохи у кочевников дельтовой области Сырдарьи, в Восточном и Северном Приаралье.

3. Туры - о территории их расселения по данным Авесты, это среднее течение Сырдарьи и район гор к востоку от нее. Исходя из материалов более позднего времени, можно сделать заключение о том, что здесь была территория оседлых и полuosедлых поселений туров, а их сезонные кочевья могли простираться вплоть до Центрального Казахстана. Археологические памятники на всей этой территории известны, к сожалению, большей частью по разведкам, раскапывались в основном довольно поздние памятники [Археологическая карта Казахстана, 1964]. Ранние памятники, характерные для кочевников Центрального Казахстана, — так называемые курганы с «усами» (грядками), во время маршрута 1966 г. были обнаружены нами и у западных склонов гор Каратау к северу от города Туркестана. Есть на Каратау и группы огромных курганов, резко выделяющиеся среди рядовых памятников.

4. Сайрима - Sairima (sarima) – Й. Маркварт и практически все исследователи вслед за ним без дополнительной аргументации отождествляют этот народ с сарматами. Но это отождествление не бесспорно, так как в одном регионе по соседству с названными выше племенами, в Семиречье и на Тянь-Шане до начала II в. до н.э., судя по китайским известиям, жило племя сэ (сай) [Бичурин, II, 190-191, III, указатель], которое современные исследователи называют «саками». Вполне допустимо в sairima- видеть sairi(a)ma-, что сопоставимо с древнеперсидским *агуа— a-gam— «обладающий мирными арийцами», или *агуа-га-ман—«приносящий арийцам мир (покой)», последнее — имя одного из предков Дария I [ОИЯ, 1979, с. II]. Племенное название «савроматы», позднее «сарматы», В. И. Абаев возводит к suava «черный», объясняя его как «черно-рукие» или «смуглорукие» (ОИЯ, 1979, с. 304-305), но на тех же основаниях можно видеть в sairiman племя sai-ri(a)ma; тем более что иранские языки допускают чередование sai/sya (ОИЯ, 1979 с. 152). А в sai-rima можно видеть племенное имя с объяснением, близким к «мирные сай». Может быть, с этой формой племенного названия связаны и два сохранившихся много позднее топонима — город Сайра, в Отрарском оазисе на средней Сырдарье и озеро Сайрам у истоков реки Или на восточной окраине Семиречья. Оба топонима происходят с территории, где жили сай (сэ).

Если принять изложенные выше доводы ученых то следует признать, что в «Фарвардин-яште» вместо живших в отдалении от Восточного Приаралья и средней Сырдарьи (место расселения ариаков, дахов и туров) сарматов скорее всего упомянуты жившие по соседству с перечисленными народами сай-сайрима (сайрама). Как уже говорилось, во II в. до н.э. последние были в основном вытеснены с этой территории юечжами и усунями.

Исторические и археологические данные позволяют высказать ряд соображений по поводу возможной хронологии разбираемого фрагмента «Фарвардин-яшта». Судя по археологическим материалам, новые этнические группы стали складываться здесь на рубеже поздней бронзы и раннего железного века (в конце VIII — начале VII в. до н.э.), поэтому логично предположить, что названия племен этого региона не могли появиться ранее этого времени. В ахеменидское время (во всяком случае, в V-IV вв. до н.э.) в Восточном Приаралье существовала ахеменидская сатрапия дахов («саки, которые за Согдом»). Вряд ли все перечисленные выше племена входили в нее. Более или менее определенно это можно предположить в отношении ариаков, проживавших, как и дахи, в древней дельте Сырдарьи.

После падения Ахеменидской империи дахи активно сотрудничают с греками и участвуют в их походах вплоть до Индии. Затем в связи с усыханием дельтовых протоков на их территории постепенно переселяются к северным границам Парфии, куда, возможно, их поселили Селевкиды для защиты территории своего государства от воинственных массагетов Восточного Прикаспия (см. ниже раздел о дахах). Во II в. до н.э. поселения дахов в дельте Сырдарьи были уже полностью заброшены. Уходят на юг из Семиречья в это время и саи, что определяет верхнюю хронологическую границу рассматриваемого текста из «Фарвардин-яшта». Реально подобный перечень племен мог относиться к доахеменидскому времени (VII-VI вв. до н.э.) или к короткому промежутку от разгрома Ахеменидов до конца III—начала II в. до н.э. Последний период нам представляется даже предпочтительнее, так как в объединении в одном перечне племен Восточного Приаралья, средней Сырдарьи и Семиречья. Можно видеть создававшееся в это время или уже созданное на этой территории «владение Кангюй», о котором мы узнаем как о могущественном объединении народов из китайских источников II в. до н.э. Вместе с тем стоит вспомнить, что в Авесте есть данные о предводителе туров Франграсьяне (Афрасиаб «Шах-наме»), который упорно борется за фарн (хварно) «царей арийских стран» (Яшт V и XIX). Согласно эпосу, он даже на некоторое время захватывает «арийские страны».

Афрасиаб по «Шахнаме» - внук легендарного Тура, эпонима племени туров, имя которых в эпической традиции перекрывало имя всех остальных кочевых племен. Может быть, к раннему железному веку, эпохе «легендарной истории» (см. [Вайнберг, Ставиский, 1994, гл. II]), относится образование на северо-востоке Средней Азии первого объединения кочевых племен во главе с турами и в «Фарвардин-яште» содержится перечень племен, вошедших в это объединение? Несомненно, ахеменидское завоевание дельтового района Сырдарьи разрушило сложившееся ранее объединение племен, но вместе с тем в составе Ахеменидского государства население дельтовой области освоило ирригацию, сырцовую архитектуру, изготовление гончарной посуды и многое другое, что создало базу для поздней Кангюйского государства с центрами в Восточном Приаралье, у северных предгорий Каратау и на средней сырдарье. Именно при такой ситуации в существовавшем в практически до раннего средневековья (в конце III в. до н.э. по китайским хроникам еще было посольство из Кангюя) государстве и могла сохраняться традиция возведения правящей «династии» к легендарному Афрасиабу, которая доживает до XI – XII вв. в районе средней Сырдарьи (Вайнберг, 1973).

Есть в «Яштах» еще один этноним – «хьяона». В «гимне Аши» упоминается хьяонский злодей Арэджатаена (Яшт XVII, 50) а в «шимне Ардвисуре» и его два брата (Яшт V, 113 и 116), все они – поклонники дэвов и враги Кави Виштаспы (Яшт V, 117).

Довольно близкое знакомство исследователей текстов несколькими представлениями одного народа и его вражда с Кави Виштаспой дают основание предположить, что они жили на соседних или близких территориях. Э. Херцфельд считал хьяона среднеазиатскими хионитами, но исследователи не исключают, что имя

хионитов – хьона заменило в сасанидское время какое – то другое (Дьяконов И. 1971, с 144).

Заманчиво было бы предположить, что первоначально здесь могли быть названы собственно «саки» - восточные соседи Бактрии, которые в ахеменидское время играли активную роль в жизни империи. Подобное допущение представляется возможным и в связи с тем, что эти «саки», в ахеменидскую эпоху называвшиеся в царских надписях «саки хаумаварга» - «чтящие хаому», совсем не упомянуты в Авесте. А может статься, что «хьяона» - это какая-то часть «саков», живших ближе всего к Бактрии.

Глава 2

Античная география о народах Средней Азии

Издавна на территории Средней Азии формировались высокоразвитые государства. Сведения о них проникли в античную литературу и китайские источники еще за долго до нашей эры.

В Средней Азии в античный период процветали богатейшие государства, они вели между собой оживленную торговлю, вывозили товары далеко за пределы своих стран – на Ближний Восток, в Центральную Азию и в Индию. В бассейне Заравшан располагалась Согдиана, или Согд, по Мургабу в его дельте простирались земли Маргианы, по средней Амударье – Бактрия, или Бактрианы, а в дельте и низовьях этой великой реки – Хорезм, или Кангюй.

Население этих государств занималось земледелием, широко применяло орошение, и опыт мастеров ирригации отсюда распространялся во многие страны Востока. Бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы и маргеанцы были ирано-язычными народами, они во многом отличались от современного населения, в материальной культуре и языке которого все же можно видеть следы древних цивилизаций.

Нужно особо подчеркнуть важное условие положение территории Средней Азии, лежащей на перепутье дорог, связывающих такие древние очаги культуры, как Месопотамия, Египет, Средиземноморье, с одной стороны, и Китай с Индией с другой.

Сведения о Средней Азии появляются в античной литературе (Античная география, 1953; Дитмар, 1973; Дитмар 1980; Ельницкий, 1961) начиная с Гекатея Милетского, современника ахеменидского царя Дария I. Исследователи считают, что часть сведений Гекатея восходит к Скилаку (Куклина, 1985, с 86, 103). Предполагается, что знакомство греков с обширными пределами Персидского (Ахеменидского) царства было предпосылкой для сопоставления карты мира Анаксимандром (около 550 г. д н э). В ней дошедшим до нас «Описание земли» Гекатея Милетского много места было уделено этнографическим сведениям. Геродот был последователем Гекатея и критически использовал его данные. Он много путешествовал, и его труд содержит обширные сведения географического, этнографического и исторического характера о разных областях Ахеменидской империи, куда входили многие области Средней Азии. Сведения эти неоднократно изучались и интересовались (Доватур и др., 1982).

В эпоху Геродота и несколько позже в античной географии появляются элементы природной зональности. Сосуществуют представления о Земле как о диске и шаре. С именами Парменида и Эвдоксана Книдского связано научное доказательство шарообразности Земли, последний произвел и некоторые измерения земного шара. В связи с идеей о шарообразности Земли обсуждались проблема мирового океана.

Неоценимое значение для развития всех направлений географических воззрений, наметившихся в античной натурфилософии, оказал энциклопедист

древности Аристотель. Как известно, трудами Аристотеля завершается натурфилософия, и в то же время ими начинается опытное познание, что не могло не отразиться на его географических работах.

В «Метеорологике» Аристотеля мы находим первую попытку аналитического изучения Земли по ее наиболее крупным частям. Так, он пытается выделить как единое целое атмосферу, к которой относит воздушную и водную оболочки, так как, по его мнению, в пределах этой сферы осуществляется круговорот влаги.

Аристотель отдельно рассматривает явления, происходящие в морях, изменение земной поверхности, подземные явления — вулканизм, землетрясения, развивает учение о зонах Земли. У него мы также находим зачатки идеи о взаимопроникновении земных оболочек. Все это позволяет с полным основанием считать Аристотеля основоположником физической географии, особенно ее компонентного, аналитического направления.

Трудно переоценить значение Аристотеля для развития научных основ географии, так как именно им и его последователями была доказана шарообразность Земли. Эта идея сыграла значительную роль в становлении географии как определенной системы знаний и явилась той необходимой основой, опираясь на которую можно было привести в единую систему разрозненные представления о Земле. Она дала возможность, хотя и с известной долей абстрактности, зафиксировать главнейшие естественно-географические закономерности.

Анализируя античную географию, А.Г. Исаченко пишет, что уже «в рамках нерасчлененной ионийской науки содержались элементы физико-географической концепции, и мы имеем основание говорить о зарождении того направления в географии, которое много позже стало известно как общеземледельческое» (Исаченко А.Г., 1971, с. 26—27). Ученные полагали что общее земледение берет начало опять-таки от Аристотеля, так как именно у него оно основано на достоверных опытных данных. До тех пор пока то или иное научное направление не достигло определенной степени развития, трудно констатировать его возникновение. Поэтому нельзя согласиться с только что приведенным мнением А.Г. Исаченко, хотя, конечно, воззрения представителей ионийской школы, вне всякого сомнения, послужили необходимой предпосылкой, подготовившей возникновение общего земледения.

Поскольку общее земледение включает в себя данные не только географии, но и геодезии, астрономии, геологии и других наук, постольку мы склонны считать, что оно не принадлежит собственно географии и, выходя за ее пределы, относится к тому направлению в познании Земли, которое целесообразнее называть общенаучным. Однако его роль в становлении географии огромна, так как без общеземледельческого направления не могло начаться географическое познание Земли. Поэтому это направление долгое время развивалось в лоне географии.

Таким образом, уже в аристотелевский период древнегреческими мыслителями была подготовлена почва для выделения из перечисленной натурфилософии новой самостоятельной отрасли научного знания — географии.

В эпоху Аристотеля вопросы физической географии включают в «метрологию», определяются некоторыми меридианы, рассчитывается высота гор.

Большой новый объем географических знаний связан с эпохой завоеваний Александра Македонского. Для Средней Азии это особенно существенно, так — как расширилось представление о горных системах на юге региона, о реках и их истоках и устьях, но вместе с тем эта эпоха породила ряд заблуждений, которые стали традиционными в античной научной литературе и позднее (прежде всего отождествление Яксарта-Сырдарьи с Танаисом и представления о впадении его в каспийское море).

Начало собственно научной географии положил Эратосфен (III в. до н. э.), обобщивший накопленные знания. Он считал, что разработка карт – главная задача географии.

Для ее обоснования необходимо было систематизировать довольно расплывчатые представления. Разработать исходные основы географии как определенной системы знаний. И это было осуществлено Эратосфеном. Он так много сделал для развития географии, что с полным на то основанием его называют «отцом географии». Он впервые ввел в научный обиход и термин «география» вместо ранее употреблявшихся терминов «перипл», «периогез», «период». Работа Эратосфена «Географические записки», состоящая из трех книг, к сожалению, до нас не дошла, но основное ее содержание довольно полно представлено у Страбона.

Судя по тем сведениям, которые мы можем почерпнуть у Страбона, в первой книге Эратосфен рассматривал историю географических воззрений своих предшественников. Интересен принцип, которым руководствовался при этом Эратосфен. Он не произвольно перечислял воззрения своих предшественников, а критически анализировал их, пытаясь вычленив, вывести географические воззрения как итог из истории их развития. В основе такого анализа лежало понимание географии как научного познания Земли, включающего общеземледельческое и страноведческое ее описание.

Во второй книге Эратосфен переходит к рассмотрению шарообразности Земли, правильно понимая, что только научное доказательство истинной формы Земли может стать необходимым фундаментом географии. Однако для определения наиболее существенных пространственных характеристик Земли, вытекающих из ее шарообразности, географические воззрения далеко не достаточны, и поэтому он вводит в географию методы математики и астрономии, считая, что именно они позволят ей обосновать свои исходные положения. В результате Эратосфен заложил, как пишет А.Г. Исаченко, «начало той отрасли науки, которая в Новое время получила наименование математической географии. В ее сферу входило определение размеров земного шара, географических координат и разработка методов изображения земной поверхности на плоскости (т. е. теория картографических проекций)» (Исаченко, 1971, с. 46.)

В третьей книге «Географических записок» Эратосфен дает страноведческое описание известной ойкумены, характеризует страны, их природные условия, быт, государственный строй, культуру народов и прилагает карту, исправленную им по данным математики и астрономии.

Развивая основные положения Эратосфена, другой крупнейший географ древности — Страбон облек в определенную форму стремление своего предшественника сделать географию самостоятельной наукой. По мнению Страбона, география для обоснования своих исходных положений должна принять только те положения астрономии, математики и физики, без которых ей нельзя обойтись и отмежеваться от всего негеографического знания, так как чрезмерное расползание географии и вторжение ее в область других наук ничего не дает ни ей, ни этим наукам. Исходя из этого, он критикует увлечение Эратосфена астрономией и математикой. Страбон так характеризует взаимодействие этих наук. «Подобно тому, как измеряющий землю принимает от астронома основные начала, а астроном от физика, подобно этому географ должен принять за истину то, что сообщает измеривший всю землю...» (Боднарский М.С. Античная география М., 1953, с. 136).

Географ, по мнению Страбона, в основном должен изучать известную часть земли — ойкумену, которую он может охватить взором, а также на основании собственных наблюдений и новейших научных открытий описывать страны, их климат, географическое положение, величину, границы, народонаселение, государственный и общественный строй, основные виды продукции, т. е., по его

мнению, география должна быть сугубо практической наукой и служить руководством избранному кругу образованных читателей, в особенности полководцам и государственным деятелям.

Страбон в отличие от Аристотеля, по представлениям которого география — внутренне расчлененная, дифференцированная наука, делает шаг назад и возвращает географию к нерасчлененному страноведению, что имело свои глубокие корни.

Практическая направленность географии Страбона объясняется насущными запросами его времени.

Как известно, в тот период Римская империя в результате многочисленных завоевательных походов разрослась до невероятных размеров и перед ее учеными стояла задача всесторонне исследовать захваченные территории. Деятельность не только Страбона, но и всех других географов — его современников была ответом на эту настоящую потребность эпохи. Именно этим и объясняется преимущественное развитие в тот период страноведения.

Несмотря на то, что география Страбона — наука в значительной степени страноведческая, в его учении определенное развитие получило и общеземледельческое направление, которое он пытался выделить как особый раздел географии. Однако эта попытка у него была спорадической. Из-за умозрительности, присущей античной натурфилософии, географические знания носили преимущественно описательный характер. Однако мы не должны забывать, что такое положение было обусловлено закономерностями развития знания. На ранних этапах познание направлено на феноменологическое выявление качества, на основе которого и возможно первичное выделение, разграничение объектов исследования.

Каким же образом можно выделить качественные различия множества явлений окружающей действительности в условиях первоначального становления науки? Конечно, лишь на основе эмпирического описания их отличительных, бросающихся в глаза особенностей, что наиболее ярко проявлялось в страноведении. Однако уже в античности становится ясно, что для получения более достоверного знания необходимо перейти от эмпирического описания качественного своеобразия объектов, выделяемого по признаку их сходства и различия, к исследованию их количественной определенности, выражаемой значительно более точным математическим языком.

Стремление к количественной строгости наиболее четко проявилось в научной деятельности Птолемея. В его работах географическое знание, которое он разделял на хорографию и географию, получило дальнейшее, правда, как мы увидим, своеобразное, развитие. «Хорография, — писал Птолемей, — занимается преимущественно качеством, а не количеством, — она всегда заботится о сходстве, а вовсе не о соразмерности положений. География же занята скорее количеством, так как она всегда заботится о соответствии расстояний, а о сходстве только тогда, когда изображает большие части и общие очертания... Она (география) изображает положение и очертания с помощью одних только линий и условных знаков. Вследствие этого хорография несколько не нуждается в математическом методе, а в географии это самая главная часть» (Боднарский М.С. Античная география, с. 286—287). Если сравнить птолемеевский взгляд на географическое знание со взглядами его предшественников, то его хорография, как это было отмечено А.Г. Исаченко (см. Развитие географических идей, с. 66—67), действительно представляет собой описательное страноведение.

Однако о своем стремлении к познанию количественных соотношений Птолемей абсолютизирует их и, хочет он того или нет, выдает за единственный предмет географии. В его интерпретации география представляет собой линейное изображение Земли со всем тем, что на ней.

Литературная география с большой долей этнографии получила развитие в трудах Полибия, Посидония и Страбона. Позже к этому направлению принадлежали Тацит, Аммиан Марцелин, Прокопий Кесаринский. Труды Эратосфена по определению географических координат на основе астрономических измерений продолжил Гиппарх (II в. до н. э.). Большую роль сыграла карта Агриппы (I в. до н. э.), располагавшего данными Эратосфена. Плиний Старший (I в. до н. э.) использовал сведения из римских итинерариев не только для территории Европы, но и в связи со Средней Азией (несомненно, водный путь по Оксу от Индии в Каспийское море). В его труде «Естественная история» есть оригинальные новые сведения, например, о районах Восточного Прикаспия.

Научному направлению географии были привержены Марин Тирский и Клавдий Птолемей, труды которого были высшим этапом в развитии античной географии, позднее она пришла в упадок. А наследие Птолемея было сохранено в Византии и стало основой в развитии арабской географии, где его влияние ощущается очень явно. Если греки четко знали, что горный пояс пересекает Азию от Кавказа до Индии в широтном направлении (Димарт, 1980), то представления о Каспийском море менялись.

Л.А. Ельницкий (Ельнинки; 1961, с. 206), высказал предположение, что они развивались от Гекатея, Геродота и Аристотеля, считавших на основании умозрительных заключений, что это замкнутый бассейн, к мнению, распространившему в эпоху эллинизма и основанному на неправильных выводах Патрокла о том, что Каспий—залив «Северного Океана». Начиная с Птолемея (География, V, 97) ученые вновь вернулись к представлению об этом море как о замкнутом водоеме (Дитмар 1989, с. 37).

Аральское море, находившееся в стороне от торговых путей и трасс военных походов, осталось неизвестным античным авторам. Дж. Томсон (Томсон. 1953, с. 191) считает, что до византийского посла Земарха ни один западный путешественник не описал этого водоема. Выказывалось мнение, что впервые об Арале писал Ион Русте (начало X в.) (Берг, 1908, с. 580) или что сведения Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.) об Оксийском озере, куда впадают Араксарт (Яксарт) и Димас, относятся, возможно, к Аральскому морю (История, XX, 6,59).

Если есть основания считать, что Гекатей и историки похода Александра находились в зависимости от древних ионийских карт, составленных по информации о восточных походах Дария, то уже у Эратосфена и Страбона могли быть по сравнению с ними новые данные, так как в связи с обводнением Узбоя открылся водный путь из Бактрии в Каспий и появились первые сведения о берегах Окса.

Внимание греков привлекали, конечно, и две крупнейшие реки Средней Азии — Амударья и Сырдарья. Амударья у Геродота названа Араксом, при этом он смешал данные об этой реке и Араксе кавказском. К тому же есть упоминание и об Араксе (Волге) в связи с историей скифов. И. В. Пьянков детально анализировал все эти сведения (Пьянков, 1975, Доватур и др., 1982, с. 183-185). В дополнение можно отметить, что даже Узбой в древности впадал в Каспийское море в отдельные периоды двумя рукавами (Аджаиб и Актам), между которыми находился большой остров, действительно напоминавший, согласно Геродоту, Лесбос размерами и очертаниями (Геродот I, 202). Это современный полуостров Дарджа. Вблизи дельты Узбоя водятся тюлени, здесь даже есть остров Тюлений. Еще в XIX в. они водились и в Аральском море [Эверсман, 1850, ч. II, с. 71], поэтому тюлени не могут быть аргументом в споре о локализации Араксов, Геродота. Нудно отметить что довольно убедительными доводы И.В. Пьянкова в связи с определением маршрута похода Кира II о том, что Араке массагетов —это Узбой, обводнявшийся периодически уже в VI в. до н. э., а стабильно с V в. до н.э., когда в конце этого века на его берегах появляется постоянное население. Поселения на берегах Келькора в дельте Узбоя, как мы

отмечали, датируются тоже с V в. до н.э. Предложенная Я. Харматтой реконструкция текста пятого столбца Бехистунской надписи, в которой появляется название реки, через которую вблизи моря перешел Дарий, — Арахша, т.е. Араке, делает сопоставление Аракса массагетов с Узбоем не вызывающим сомнений.

Аристотель (*Meteor.*, I, 13, 15-16) сообщал, что с горы Парнас текут крупнейшие реки Азии—Бактр, Хоасп, Араке, Танаис, впадающий в Меотийское озеро, и Инд. Это представление не очень точно совпадает с реальной географией. Аристотель считал, что от Аракса (вероятно, Окса) отделяется в виде рукава Танаис, текущий в Меотийское озеро. Перекликаются с этим сведения Ктесия (конец V—IV в. до н.э.) о том, что Араке течет с Парнаса. Один из рукавов Аракса впадает в Каспийское море, а другой обходит Каспий с севера и превращается в Танаис, текущий в Меотиду (Томсен, 1953, с. 131), (о географических воззрениях Ктесия см. [Пьянков, 1975, с. 19 и сл.]). Истоки географических воззрений Аристотеля анализируются И.В. Пьянковым [Пьянков, 1994, с. 201; Пьянков, 1997].

О Меотийском озере (болотах) постоянно встречаются представления, перенесенные из Европы [Куклина, 1985, с. 133 и сл.], но вряд ли их можно относить к Аральскому морю. Только сообщение Страбона о происхождении даев из района Меотиды может быть связано с Аралом.

Сырдарья была известна в античной литературе под названиями Яксарт, Танаис и Силис; Кляшторный, 1953; Кляшторный, 1964, с. 74-76. По мнению И.В. Пьянкова, отождествление Сырдарьи—Яксарта с Доном—Танаисом относится к географическим воззрениям эпохи, предшествующей походам Александра Македонского и восходит к Аристотелю и возможно ещё к Ктесию (Пьянков, 1975; Пьянков, 1994; Пьянков 1997). Аристотель считал Танаис рукавом Аракса (Амударьи).

В более поздней географической литературе это представление не получило отражения. Его вытесняет устойчивое мнение о впадении Яксарта, как и Окса (Амударьи), в Каспийское море (или Скифский залив его). Традиция эта, согласно свидетельствам Арриана, Страбона и Плиния, восходит к данным Аристубула, Патрокла и Эратосфена (Арриан III, 30, 7; Страбон XI, 11, 5 и XI, 6, 1; Плиний VI, 36).

Исследование новых материалов показали, что сведения античных источников о впадении Окса в Каспий отражают реальную картину, когда часть вод реки по Узбою впадала в это море. В античной литературе вплоть до Аммиана Марцеллина сохраняется представление о впадении Амударьи в Каспий (Вайнберг, 2000 с, 143).

Заслуживает ли доверия и на чем основано представление античной географии о впадении Яксарта в Каспийское (Гирканское) море? Ответ на этот вопрос, может дать анализ сведений Патрокла и Эратосфена, приведенных у Страбона и Плиния.

Страбон сообщает: «Согласно Эратосфену, известный грекам путь вокруг этого (Каспийского - Б.В) моря вдоль берегов албанцев и кадусиев составляет 5400 стадий, а вдоль берегов анариаков, мардов и гирканов вплоть до устья реки Окса— 4800 стадий, а оттуда до Иаксарта — 2400. Впрочем, сообщения об этой части Азии и о столь отдаленных странах не следует понимать слишком точно, особенно когда речь идет о расстояниях» (Страбон XI, 6, 1). Несмотря на последнее замечание Страбона ученые предлагают эти сведения.

У Плиния (VI, 36) приводятся со ссылкой тоже на Эратосфена несколько отличные данные: «с юго-востока по берегу Кадусии и Албании 5300 стадиев; оттуда через земли ариаков, амардов и гирканов до устья реки Зона — 4900 стадиев, отсюда до устья Яксарта — 2400». Разница в расстоянии «по берегу Кадусии и Албании» в 100 стадий (меньше у Плиния) компенсируется увеличением на те же 100 стадий (4900 вместо 4800 у Страбона) до устья реки, именуемой у Плиния Зона вместо Окса. Принципиальных различий сведения Страбона и Плиния не содержат и дают

довольно ясное представление о сведениях первоисточника—текста Эратосфена (в дальнейшем мы исходим из данных Страбона).

Исследователи попытаются определить, откуда начинал отсчет расстояний Эратосфен. Об Албании в «Географии» Страбона приведены подробные сведения в книге XI. Северная граница ее определяется по Кавказским горам (Страбон XI, 4, 1); вместе с тем отмечается, что к области албанцев принадлежит и область Каспиана (Страбон XI, 4, 5). Страбон приводит, кроме того, расстояния между рядом пунктов Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Прикаспия, почерпнутые им у того же Эратосфена. Среди них для нас в данном случае представляет интерес расстояние «от горы Каспий до реки Кира около 1800 стадий» (Страбон XI, 8,9). Как известно, река Кира – это Кура, в горе Каспия можно видеть тот начальный пункт - северную границу Албании, в которую входила Каспиана, откуда вел отсчеты по побережью моря Эратосфен. Если исходить в расчетах из олимпийского стадия (около 192 м), то гора Каспия расположена в 345-350 км к северу от устья Куры и совпадает по местоположению с Дербентскими воротами. Получив начальную точку отсчета, рассмотрим остальные расстояния.

Согласно Эратосфену, 5400 стадий - около 1040-1050 км - отделяют северную границу Албании от земель анариаков, за которыми следуют марды и гирканы. На таком расстоянии от Дербентских ворот, если следовать по берегу моря, окажется современный Горган - древняя Гиркания. Несомненно, здесь у Эратосфена вкралась ошибка, тем более что между горой Каспия (Дербентом) и рекой Кира (Курой) расстояние на этом же пути указано им точно. Если считать от устья Окса в обратную сторону, то вдоль берегов гирканов, мардов и анариаков будет 4800 стадий, или 920-930 км, что соответствует расстоянию от Красноводского залива, куда впадает Актан — северное устье Узбоя, до юго-западной части побережья Каспия в районе Ардебиля. Отсюда до устья Куры менее 150 км —расстояние, соответствующее приблизительно 600 стадиям, а никак не 3600, которые получаются, если взять разницу между расстояниями от северной границы Албании до земель анариаков и оттуда же до устья Куры. Таким образом, ошибка Эратосфена как будто подтверждается.

Теперь обратимся к последнему отрезку побережья—между устьями Окса и Яксарта. У Страбона и Плиния указано расстояние в 2400 стадий, соответственно - 460-470 км. Вместе с тем тот же Страбон пишет ниже: «Иаксарт, однако, с начала и до конца отличен от Окса и впадает в то же море; устья этих рек, по словам Патрокла, все же отстоят друг от друга приблизительно на 80 парсангов; персидский парсанг одни определяют в 60, а другие в 30 или 40 стадий» (Страбон XI, 11, 5). Возможно, что в тексте Патрокла заключена полемика с Аристотелем, считавшим, что Яксарт впадает в Оке. Если следовать Патроклу, то расстояние в 2400 стадий может получиться только при маловероятном минимальном размере парсанга, максимальный же размер удвоит эту цифру. Во всяком случае, полного совпадения с данными Эратосфена для этого участка побережья мы как будто бы не имеем. Вместе с тем трудно предположить, что при весьма тщательном и детальном описании побережья Каспийского моря у Эратосфена устье Яксарта было им вымышлено.

Поскольку Сырдарья никогда не впадала в Каспий — а все измерения Эратосфена идут только по берегу моря, постольку исключаются любые изменения от устья Узбоя к Сырдарье, и можно высказывать лишь два предположения. Первое – расстояние между устьями Окса и Яксарта относятся к побережью Аральского моря лишь смешены на Каспий (точка зрения С. П. Толстова). Это подтверждается как будто бы расстояниями между современными дельтами рек. Но у ученых нет никаких сведений о существовании протоков- современных дельт в античности. Работы Хорезмской экспедиции в низовьях Сырдарьи определенно указывают, что в древности современного русла этой реки в нижнем течении еще не было.

Второе — античные географы совмещали неизвестное им устье Яксарта - Сырдарьи, вероятно, с какой-то рекой, впадающей в Каспий, или заливом последнего.

На расстоянии 460-470 км к северу от устья Узбоя на восточном побережье Каспия нет ни одной, даже маленькой речки. Ближайшей рекой является Эмба. Если считать по прямой, то от Краснодарского залива до устья Эмбы—700 км, если же идти по берегу моря, огибая Кара-Богаз-гол с востока и следуя вдоль побережья Мангышлака и полуострова Бузачи, то получится немногим более 1000км. Если вспомнить, что при описании юго-западного побережья Каспия Эратосфен ошибся на 3000 стадий, то нет ничего удивительного, что до устья следующей за Оксом (Узбоем) реки, которую он, как мы допускаем, принимал за Яксарт, он также указал ошибочное расстояние, на сей раз ошибка совпала (но в обратную сторону) — приблизительно на 3000 стадий меньше. В связи с этим можно предположить, что в тексте Эратосфена произошла перестановка двух расстояний вдоль Каспийского побережья.

Если исходить из реальной, четко локализуемой географии юго-западного побережья моря, путь вдоль берегов албанцев и кадусиев должен был равняться 2400 стадиям, указанным для расстояния между устьями Окса и Яксарта. а расстояние между устьями среднеазиатских рек должно было измениться, составив 5400 стадий, отмеченных для первого участка пути. При такой перестановке цифр все расстояния будут отвечать реальной географии побережья от Дербента до устья Узбоя, а устье Яксарта Эратосфена совпадает с Эмбой. Данные Патрокла как будто бы этому не противоречат, так как при исчислении парсанга в 60 стадий расстояние между Оксом и Яксартом по Патроклу должно составлять 4800 стадий. Разница с данными Эратосфена получается немногим более 100км. Для столь отдаленных земель это вполне объяснимое расхождение (нужно отметить еще, что в тексте расстояние указано «приблизительно»).

Совмещение Эмбы с Яксартом в свете всех представлений античной географии о восточных, северо-восточных и северных районах, Средней Азии, населенных кочевыми племенами, вполне объяснимо. Для Страбона Яксарт – «самая северная из всех этих (Ох, Окс) рек, (Страбон XI, 7,4), она отделяет саков от согдийцев (Страбон XI 8,8), Плиний отмечает, что за Яксартом (Силисом, Танаисом) живут скифские народы, которым персы дали название саков по ближайшему народу (Плиний VI, 49, 50). Именно в связи с приведенными им сведениям о кочевниках Средней Азии, Плиний замечает: «...в отношении других областей кроме перечисленных им, между писателями большое несогласие, думаю, по той причине, что племена, их населяющие, неисчислимы и ведут кочевую жизнь» (Плиний VI, 50). Описывая Каспийское море, Арриан отмечает: «...пройдя через землю скифов, впадает в это море Яксарт» (Арриан VII, 16,3).

Район Эмбы традиционно был местом расселения (судя по данным этнографии, чаще всего - местом летовок) кочевых среднеазиатских племен. К югу помещались, согласно тому же Страбону, массагеты (Страбон XI, 8, 6, 8).

На протяжении около 150 км от устья русло Эмбы идет в широтном направлении, что, вероятно, не противоречило представлению греков о течении Яксарта в низовьях.

В связи с предполагаемыми отождествлениями низовьев Яксарта с Эмбой интересны географические координаты каспийских устьев Окса и Яксарта у Птолемея. На птолемеевой карте Азии устья Амударьи (Окса) и Сырдарьи (Яксарта) по широте соответствует Узбоя и Эмбы. Соотношение между ними соблюдено.

Совмещение низовьев Яксарта-Танаиса с Эмбой зближало его к Европе и несомненно способствовало распространению в античной литературе ложного представления о тождестве Яксарта, Танаиса и Дона-Танаиса, отделявшего, по мнению древних, Европу от Азии.

Воссозданная палеогеографическая картина обводнения областей Амударьи и Сырдарьи, получившая надежную датировку по археологическим материалам, позволяет признать, что письменные источники античной поры довольно точно отражают реальную географию Окса-Амударьи, что же касается Яксарта – Танаиса - Сырдарьи, то искаженная картина о дельтовой области этой реки связана не только с переносом на Яксарт представлений о европейском Танаисе, а может быть объяснена тем, что как в ахеменидскую эпоху, так и позже этот район с очень изменчивым и сложным режимом обводнения не был доступен практически для путешествий «иностранцев». Более или менее реальные сведения о нем могли поступать, начиная с эпохи Александра, когда в его войске появились дахи из дельтовой области этой реки. Но дахи не были тогда еще детально знакомы с Каспийским морем и Узбоем, и их информация о впадении Окса и Яксарта в одно и то же море (Арал) и параллельности течения этих рек могла породить заблуждение о впадении Яксарта, как и Окса, в Каспий. Следует подчеркнуть что часть вод Амударьи в античности изливалась в Аральское море по руслу северной Акчадарьинской (до III-II вв. до н.э.) и Приаральской дельт (с V в. до н.э. бесспорно). Этот район был соседним с территорией дахов в дельте Сырдарьи, и конечно, обводнение его для них было аксиомой.

Сведения о реке Ох и ее соотношении с Оксом в античных источниках довольно противоречивы. Это осознавал и Страбон, отметивший, что через Гирканию протекают реки Ох и Окс «до впадения в море. Из этих рек Ох течет также через Несею, но и словам некоторых, Ох впадает в Око» (Страбон VII, 3; XI, 11, 5); он же отмечает, что Ох и Оке текут с индийских гор (Страбон XI, 7, 4). отождествление реки Ох с Араксом, предложенное А. Херманом, исходит из сообщения в источниках о двух устьях рек. Совмещение же Оха и Окса (в его нижнем течении (Узбой)) опирался на описание масляных источников у Оха (Страбон XI, 11, 5), которые сопоставляются, как правило, с челекенскими нефтяными и масляными выходами вблизи Красноводского залива [Берг, 1956, с. 69] (этот вывод повторяется и многими другими исследователями). Согласно же Арриану (IV, 15, 7), когда Александр стоял лагерем возле Окса. то неподалеку от его палатки забили источники воды и масляный. Эти сведения территориально не связаны с восточным побережьем Каспия. Эти же сведения повторяет и Квинт Курций Руф (VII, 10, 15). По описанию маршрута похода у него за стоянкой на этом месте следуют переправы через реки Ох и Оке.

Исходя из маршрута похода Александра, можно привести некоторые сведения о природных данных района возможных «масляных» источников.

Согласно современной экономической карте Афганистана [Справочная карта Афганистана, 1978], на его территории есть только одно месторождение нефти в районе Сари-Пуль к востоку от г. Шибепган. Горючие газы добывают на северо-восток от района Шибегана. Это долина реки Дарьяйи-Сафед (Белая река), примерно в 100 км о: современного русла Амударьи. Современная дорога от Сари-Пуля к Амударье (Оксу) идет через Шибеган, Акчу к переправе у Каука (к западу от Кугитанга). Следовательно, стоянка Александра с бьющими источниками может быть довольно точно локализована.

Согласно Плинию (XXXI, 7(74-75)), в Бактрии два озера осаждают соль, одно обращено к скифам. Другое — к ариям. Кроме того, есть указание, что реки Ох и Оке несут с горы куски соли. Согласно той же экономической карте Афганистана, добыча поваренной соли ведется только на севере страны: в районе Андхоя у реки Ширинтагао. где находится соленое озеро [Бартольд, 1971, с. 58], в районе Талукана (в сторону Кундуза) и в округе Саманган, к северо-западу от г. Айбака и к юго-востоку от Балха. Все эти данные как будто ба опять «привязывают» реку Ох письменных источников к районам Северного Афганистана в его северо-западной части.

В связи с данными Страбона о том, что Ох и Оке протекают через Гирканию, что неверно из-за упоминания в этом контексте Окса, следует обратить внимание на то, что у того же Страбона в другом месте" (Страбон XI, 8, 1) за перечислением народов с запада на восток после парфян, маргианцев и ариев говорится, что «далее простирается пустыня, отделенная от Гиркании рекой Сарнием (если идти на восток к реке Оху). После этого отмечается гора, которая простирается до этого места. Явно здесь не мог подразумеваться Атрек. В этом сообщении под Охом могла скрываться лишь река бассейна Амударьи в ее левобережье. Совмещение приведенных выше и здесь данных заставляет предположить, что реально Ох в античных источниках должен был соответствовать, вероятно, одной из двух рек, протекавших через Андхой или Шиберган, но скорее всего не Балхабу, расположенному еще восточнее (ср. точку зрения Дж.Р.Гардинер-Гардена и И.В.Пьянкова—см. [Пьянков, 1994, с. 204]). Исследования Советско-Афганской экспедиции в районе Шибергана-Акчи показали, что древние дельты этих рек уходят далеко в пустыню, изобилующую археологическими памятниками разных эпох. Только изучение палеогеографии этого района поможет окончательно решить вопрос о впадении их в Амударью в античности, возможно, это происходило в период паводков. Скорее всего, это предположение можно отнести к Дарьйи-Сафед, так как Ширинтагао должна была изливаться в русло Келифского Узбоя. Река Дарьйи-Сафед берет начало в горах Банди-Туркестан системы Паропамиза. Два ее истока - реки Сари-Пуль и Кацан сливаются близ г. Сари-Пуль и почти сразу же разделяются на два рукава, между которыми в современной дельтовой области расположен г. Шиберган. От него дорога расходится в разные стороны — на северо-запад к Андхою и потом на юг к Меймен - Баламургабу и Герату и на северо-восток к Акче и переправе через Амударью.

Карта Птолемея подтверждает приведенную нами локализацию Оха (см.: Птолемей VI, 9, 10 и ел., VI, 11, 2 - координаты рек и населенных пунктов).

Появление названия Ох в других районах юга Средней Азии может быть, как показал И. М. Стеблин-Каменский [Стеблин-Каменский, 1978, с. 72-74], объяснено тем, что Ох-*vahvi* означает «добрая, благодарная»—название, приложимое к довольно многим рекам региона. В этой связи, может быть, не случайно название Ох или Ог сохранилось в топонимике в районе древней дельты Узбоя Окса на северном берегу Красноводского залива ([Берг, 1956, с. 69 и ел.], там приведена и подборка описаний этих мест моряками — с. 76, 84, 90, 94, 111).

Весьма вероятно, что название реки Дарьйи-Сафед (Белая река) отражает античное название Ох. На основании отождествления названий Ох (иранское) и Окс (греческое) модно воспринимать сведения Плиния (VI, 48) о том, что Бактрию с севера ограничивает Ох.

Не только в древности, но и в средние века о притоках больших рек довольно часто пишется как о впадающих в море (о притоках Сырдарьи Чирчике, шаше – как впадающих в море см (Агаджанов, 1969, с 65-66)), так же могли появиться сведения об Охе и Оксе, впадающих в море.

Заключение

Изучение всего комплексов материалов показало, что на протяжении практически всего периода древности здесь существовали три устойчивые историко-культурные области. Если для низовья Амударьи, где находился Хорезм, это было и ранее бесспорным фактом, то для соседних областей Восточного Прикаспия и дельтовой области Сырдарьи – выявляется впервые. И в том и в другом это была не скотоводческая периферия земледельческого Хорезма, а самостоятельные историко-культурные области, развитие которых шло своим путем. В самом общем виде картина расселения народов на север Средней Азии в эпоху до VIII в. н. э. Была следующей: в низовьях Амударьи жили хорасмии. Как свидетельствует археология, это обобщенное название населения оазиса, где проживало несколько разных по происхождению этнических групп (собственно хорасмии и их потомки, пришедшие с юга, население правобережья реки – потомки иранских племен, пришедших сюда из степей; с рубежа IV-III вв. до н. э. – юэчжи и какие-то иные группы пришедшие с севера). Соседями их на западе были массагеты в конце V в. до н. э. уже занявшие земли по обводненному Узбою. Известно два племени этого объединения – апасиаки вблизи Каспия, в Прибалханье, и дербики вдоль большей части русла Узоя. К северу от Хорезма, на Устюрте тоже жили массагеты и одна группа их, проживала у Айбугира, находилась в тесном культурном контакте с древне хорезмской цивилизацией, что особенно ярко отразилось на развитии уже в IV в. до н. э. обряда погребения, близкого к оссуарному Устюрт, по свидетельству археологических материалов, в то время, как и много позже, был тем путем, по которому кочевники мигрировали из степей в низовья Амударьи (юэчжи, например).

Восточные соседи Хорезма в эту эпоху – дахи, возглавлявшие в низовьях Сырдарьи сатрапию «саков», которые за Согдом. В нее, вероятно, помимо дахской группы племен входили и арии (ариаки Поломея), расселявшиеся в восточном Приаралье. Если принять наше истолкование текста из «Фарвардин-яшта» (Яшт XIII, 143-144) Авесты, где приведен перечень областей, как «список» племенных объединений на северо-востоке Средней Азии, тогда две из упомянутых там «областей» сказаны с дахами и ариями низовьев Сырдарьи. Туры находились восточнее и юго-восточнее их. Вопреки мнению В.И. Абаева (Абаев 1956) ни письменные материалы, ни археологические не дают оснований отождествлять саков с турами. Даже в перечне областей Яшта XIII туры не «перекрывают» остальные области кочевников, а называются вместе с ними. Особая роль, отводимая турам Авестой и легендарной традицией, зафиксированной Фирдоуси в ее «Шахнаме», может быть объяснена тем, что на заре иранской истории, в ее «легендарный период» туры возглавляли объединение кочевых племен раннежелезного века, возникшие к северо-востоку от собственно иранских земледельческих областей. Интересно отметить, что замеченное Геродотом отличие массагетов от саков получает подтверждение в археологических материалах. Массагеты не входят и в отмеченный перечень племен – областей в Яште XIII. Саки – понятие собирательное, предлагаемое в источниках ко всем группам кочевников вообще и к кочевникам – соседям Бактрии особо. Не только в Средней Азии «кочевник» передается обозначением какого – то конкретного племени, которое со времен получает расширительное толкование (Кленгель, 1967, с 67). Название по образу жизни (саки) или по территории (хорасмии, хорезмийцы) в письменных источниках было более предпочтительным, чем этническая принадлежность. Нужно отдать должное наиболее осведомленным античным авторам, они часто избегали обобщенного наименования «саки», а указывали конкретные имена известных им племен скотоводов.

Античная географическая традиция, донесшая до наших дней сведения о Бактриане и соседних странах, восходит в конечном счете к наблюдениям очевидцев.

Эти наблюдения могли быть записаны и самими путешественниками, и другими лицами, собиравшими сведения путем устных расспросов. Основной литературной формой, в которой накапливались все эти наблюдения, были итинерарии. Итинерарий обычно и служил первичным фоном географических данных, используемых античными учеными для своих теоретических построений. Итинерарий мог представлять собой отдельное сочинение, но мог и быть составной частью любого другого сочинения на географическую или историческую тему. В античных представлениях об ойкумене, и в частности в её северо-восточных окраинах, намечается ряд этапов. Каждый из них характеризуется своими особенностями, на каждом этапе географический кругозор античного мира расширялся, границы ойкумены как бы раздвигались. Оригинальные географические сведения о Бактрии и соседних странах восходят в основном к следующим источникам: в эпоху Персидского царства – сочинениям Скулака, Геродота и Ктесия, в эпоху походов Александра Македонского – к письмам самого Александра и к сочинениям Клисфена и Поликлита, Клитарха, Птолемея и Аристея, в эпоху приемников Александра Македонского – к сочинениям Мегасфена и Деймаха, Демодама и Патрокла, в эпоху Парфянского царства – к сочинениям Апполодора, Мая, Дамиса и к одному из римских итинерариев. Сведения авторов этих сочинений преимущественно и использовались в античных географических теориях и картах, касающихся северо-востока ойкумены.

Наиболее общие темы античной географической традиции связаны с представлением об ойкумене. Ойкумены в целом касаются представления о секторах и поясах обитаемой Земли и о климатах: в них находят свое место и данные о северо-востоке ойкумены, о Бактриане и её соседях. С очень раннего времени, возможно, начиная с Анаксимена, античные ученые делили ойкумену на секторы с помощью «роз ветров». Засвидетельствовано два способа такого деления; если говорить о схемах, в которых более или менее подробно отражены данные о северо-востоке ойкумены, то к одному из указанных способов нужно будет отнести схему Гонория, к другому – схемы Тимосфена и Равеннаты. Достаточно рано наметилась в античной науке и деление ойкумены на пояса. Но настоящим создателем учения о поясах был Посейдон, активно использовавший и материалы о северо-восточной ойкумене. Учение о климатах тоже возникло не сразу. Большой вклад в его разработку внес Эратосфен, но в основном создание этого учения в его окончательном виде, скорее всего, было заслугой Гиппарха. Данные названных ученых, обычно контаминированные с иными материалами, сохранились у Страбона, Плиния и Птолемея донесших до нас и сведения о северо-востоке ойкумены, связанные с учением о климатах. В античности разрабатывались и специальные схемы деления ойкумены на части: исследователей интересовала прежде всего, как выглядел в этих схемах северо-восток ойкумены. Ранняя схема деления ойкумены на части засвидетельствована системой актов, представленной у Гекатея, поздняя схема – системой сфрагид, созданной Эратосфеном. Система сфрагид была предметом обсуждения у более поздних античных ученых, вносящих в неё различные изменения. Вариант этой системы, видимо предложил уже Гиппарх. На основе схемы Гиппарха созданы более варианты Посидония и Агриппы. Схема Агриппы, в свою очередь, послужила основой для ещё более поздних вариантов, в частности для схемы Оросия. Свою схему деления ойкумены на части создал и Птолемей.

Использование в настоящей работе материалов, касающихся античных представлений о Средней Азии не является исчерпывающим. Это особенно относится к учениям о поясах и климатах.

Специальные темы античной географической традиции посвящены картографическим схемам горных хребтов и текущих с них рек, размещению вокруг этих гор и рек различных народов и стран - схемам, которые, мы называем

орогидрографическим. В работе рассмотрены орогидрографические схемы, имеющие прямое отношения к Бактрии и ее соседям. Первые намеки на такие схемы вырисовываются по данным древних ионийских карт и традиции Гекатея. Вполне оформившаяся схема представлена у Аристотеля, а следы той же схемы – у Гекатея Абдерского. Свою орогидрографическую схему в соответствующую часть карты дал Птолемей, механически совместив в ней данные Эратосфена, Гиппарха и Посидония.

Информация, которая содержится в античных орогидрографических схемах северо-востока ойкумены, имеет ценность двоякого рода. Во-первых, она позволяет проследить историю географических представлений о Средней Азии. И это касается представлений, бытовавших не только в античном мире, но и среди древнего местного населения Средней Азии. Очень перспективным в этом отношении представляется сопоставление античных данных с другими письменными источниками и некоторыми этнографическими рудиментами. Во-вторых, та же информация дает возможность сделать интересные историко-географические выводы. С её помощью, например, можно проследить изменения в этнографии Средней Азии. Более того, при её посредстве устанавливаются важные факты из истории физической географии Средней Азии. Приведем отдельные примеры. Сведения об устье Окса в Каспийском моря, о водопаде на Оксе и Араксе имеют отношение к проблеме Узбоя как древнего русла Амударьи (об этой проблеме: Бартольд, 1965, с 15-14; Толстов. 1948 с 52-54; 1948а, с 296-316; Юсупов. 1976, с 38-47 и другие). Сведения об Оксийском озере и его связи с Оксом и Яксартом могут внести свой вклад в решение проблемы формирования аральских дельт Амударьи и Сырдарьи, колебание уровня Аральского моря и времени обводнения Сарыкамышской впадины (об этой проблеме: Берг, Ш., 1960, с 167-250; проблема Аральского моря, 1969; Колебание увлажненности Аралокаспийского региона в голоцене, 1980 и др.).

Список использованной литературы

- Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра. – Archiv Orientalnf, Praha, 1956.
- Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Пер. с авестинского И. Стеблин-Каменского М., 1993.
- Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Аш., 1969.
- Античная география, 1953. – Античная география. Сост. М. С. Бондарский. М., 1953.
- Ариан. Поход Александра. Пер. с древне греч. М.Е. Сергеевко. М.-Л., 1962.
- Археологическая карта Казахстана. А.-А., 1964.
- Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Сочинения. Т. II, ч. 1. М., 1963.
- Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовья Амударьи с древнейших времен до XVII в. – Сочинения. Т.III. М., 1965.
- Берг, 1956. – Берг Л.С. Избранные труды. Т.1. М., 1956.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собранные сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1.-III. М.-Л., 1950-1953.
- Бондарский М.С. Античная география М., 1953
- Брагинский, 1956. – Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
- Вайнберг, 1992а. Вайнберг Б.И. Древнехорезмийский керамические рельефы из культурного центра Калалы-Гыр 2 (IV-II вв. до н.э.) и их интерпретация. – Культура Востока: проблема и памятники. Тезисы докладов конференции. СПб., 1992.
- Вайнберг Б.И. Этнография Турана в древности. VII в до н.э. – VIII в до н.э. М., 1999.
- Вайнберг, Ставиский, 1994 – Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я. История и культура Средней Азии в древности. М., 1994.
- Гекатей Милетский. Землеописание (фрагменты). Пер. с древне греч. В.В. латышева. – ВДИ, 1947, №1.
- Геродот История в девяти книгах. Пре. Г.А. Строгановского. Л., -1972.
- Гажанов. Древние авторы о Средней Азии VI в до н.э.
- Гумбольдт А., Центральная Азия М., 1915.
- Дьяконов И., 1956 Дьяконов И.М. История Мидии. М. -Л., 1956
- Дьяконов И., 1971 Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира. – История Иранского государства и культуры. М., 1971
- Дьяконов И., 1961 Дьяконов И.М. Очерк древнего Ирана. М., 1961
- Ельницкий. – 1961 Ельницкий Л.А. Знание древних о северных странах. М., 1961.
- Иностранцев, 1911. – Иностранцев К.А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса. – ЖМНП. 1911, №2.
- Исаченко А.Г., Развитие географической идеи. М., 1971
- История таджикского народа. Т.1. М., 1963
- История Узбекистана в источниках. Сост. Б.В. Лунин. Таш., 1984.
- Казахстан. М., 1970 (сер. «Советский союз» в 22-х томах).
- Калинина, 1988, - КАЛИНИНА г.м. Сведения о ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод комментариев. – М., 19888 (сер «древнейшие источники по истории народов СССР»).
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В.С. Соколова. М., 1963.
- Кленгель, 1967. – Кленгель Х. Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (в особенности во II тыс. до н.э.), ВДИ. 1967, №4.
- Колебание увлажненности, 1980 - Колебание увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- Кузищин В.И. Хрестоматия по истории древнего Востока М., 1979.

- Куклина, 1985, - Куклина И.В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Левина, 1996, - Левина Л.М. Этнокультура истории Восточного Приаралья: I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М., 1996.
- Левина, Чиждова, 1995, - Левина Л.М., Чиждова Л.В. О некоторых зооморфных и антропоморфных изображениях в джейтунской культуре. – Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетысарская культура. Ч.5. М., 1995.
- Лелеков, 1982, - Лелеков Л.А. Термин «ария» в древнеиндийской и древнеиранской традициях. – Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982.
- Литвинский, 1960, Литвинский Б.А. «Саки, которые за Согдом». – Труды АН ТаджССР. Сталинабад, 1960, СХХ.
- Литвинский, Седов, 1984, - Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии: погребальный обряд. М., 1984.
- Мурзиев Э. Средняя Азия М., 1957.
- Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. М., 1962.
- ОИЯ, 1979. – Основы Иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
- ОИЯ, 1981, - Основы Иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981.
- Плиний Секунд, *Naturalis Histiria*. Пер. В.В. Латышева. – ВДИ – 1949, №2
- Птицын, 1947. – Птицын Г.В. К вопросу о географии Шахнаме. – Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т.IV. Л., 1947.
- Пьянков. 1975а. – Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Текст, перевод, примечания. Душ., 1975.
- Пьянков, 1994 – Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж.Р. Гардинер-Гардена). – ВДИ. 1994, №4.
- Рапопорт, 1977, - Рапопорт Ю.А. Комогонический сюжет на хорезмийских сосудах. – Средней Азии. Душ., 1987.
- Страбон. География в 17 книгах. Пре. Г.А. Страновского. М., 1964.
- Толстов, 1948. – Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов, 1948а - Толстов С.П. По следам древнехорезмийских цивилизации. М., 1948.
- Толстов, 1962 – Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Томсон, 1953, - Томсон Дж. История древней географии. М., 1953.
- Членова, 1989, - Членова Н.Л. Волга и южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угуров во II – начале I тыс. до н.э. – СА. 1989, №2.
- Шаниязов, 1974, - Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографические исследования на материалах кипчакского компонента). Таш., 1974.
- Эверсман. 1850. – Эверсман Э. Естественная история Оренбургского края. Ч.П.. Казань 1850.
- Юсупов, 1975 – Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена XIV-XV вв Аш., 1975.